

Й. Хоблик

СЛАВА СЛАВЫ:
ЯН КОЛЛАР И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЕ
РЕЛИГИИ СЛАВЯН

Евангелистский священник, поэт и духовный мыслитель Ян Коллар (1793–1852) олицетворяет чешское и одновременно словацкое национальное возрождение. Несмотря на то, что он родился в словацком городке Мошовце, писал Коллар на чешском. На чешском языке он написал свой объемный и очень многоплановый труд «Дочь Славы» (1824, 1832), примечательный в контексте своего времени, который явился первым в своем роде в истории чешской литературы¹. Это сочинение можно назвать своеобразной энциклопедией славистики в 615 сонетах. Сегодня о них слышал почти каждый чех или словак, но мало кто их знает. Это объемное собрание сонетов самой своей формой хочет изысканно представить и широко раскрыть программную идею, которую называют панславизмом. На примере сочинения Коллара, первого протагониста этой идеи в чешских краях, хорошо можно увидеть, как с помощью лозунга панславизма славянский народ, который столетиями являлся частью западной цивилизации, должен был смириться с западными идеями. Чешский философ Вацлав Черный обращает внимание на гуманистический характер панславизма у Коллара, отдаленность этой идеи от агрессивного национализма, а также на сильные ностальгические нотки и полную аполитичность².

Но здесь мы будем говорить не об этом, а сделаем предметом рассмотрения саму попытку создать науку, предпринятую на фоне панславизма. Может показаться, что речь пойдет об истории одного научного заблуждения, но это не совсем так: гипотеза Коллара, кроме того, что она обладает своеобразным обаянием, представляет собой шаг вперед на пути к созданию современных гуманитарных наук. Она предшествует более позднему религиоведению, но лишь как предзнаменование, потому что религиоведение не связано прямо с учением Коллара.

¹ *Putna M.C. Překlad a výklad Slávy dcery z panslavistického mýtu do kulturní historie // Kollár J., Putna M.C. Slávy dcera: Báseň lyricko-epická v pěti zpěvích. Překlad a výklad Slávy dcery z panslavistického mýtu do kulturní historie. Praha: Academia, 2014. С. 9.*

² *Černý V. Vývoj a zločiny panslavismu. Sešity Knihovny Václava Havla, 2¹¹. С. 9–25.*

Ян Коллар на пути к научному подходу

Коллар был систематически образованным человеком. Он имел представление о науке, и у него были способности к тому, чтобы заниматься ей. Однако исследования, на которые он мог опираться, были написаны в конфузной форме, причем факты не всегда были отделены в них от плодов фантазии. Не хватало также проработанной методологии, что замедляло процесс становления гуманитарных наук в современном их понимании.

На протяжении всего средневековья христианские летописцы и историки обращали внимание на языческие культы и мифы, остатки и воспоминания отжившего. Пустые места они потом заполняли заимствованиями или собственным творчеством.

Поступательное развитие науки мы можем наблюдать лишь со второй половины XIX века. Условия для этого подготовили чех Павел Иосиф Шафаржик (1795–1861), современник Коллара, писавший на словацком (о нем мы поговорим ниже), и ряд ученых после него (Иосиф Эрбен, Й. Е. Воцел, В. Брандл, Й. Перволф). Но настоящую научную работу мы можем видеть только в «Очерках по славянской мифологии» (1891) и «Мифологии славян» (1907) Яна Махала (1855–1939).

Наряду с этим расширялось изучение славянской мифологии, особенно в Польше и в России, что вписывается в более широкий исследовательский контекст того времени. Произведение Коллара подтверждает более ранний поиск связей в индоевропейском пантеоне. В начале XIX в. устанавливается индоевропейское языкознание благодаря Францу Боппу (1791–1867). Но лишь с 60-х годов XIX в. начала развиваться «сравнительная (компаративная) мифология», которую создали индонемецкий филолог Адальберт Кунн (1812–1881) и классический филолог Вильгельм Шварц (1821–1899). Особенно эту науку популяризировал на основе индологии оксфордский профессор немецкого происхождения Фридрих Макс Мюллер (1823–1900).

Ян Коллара мы можем исследователем, научное творчество которого базировалось на анализе мифов и обходилось без точных данных, представляя собой подготовительную стадию в развитии славистики и религиоведения.

Слава как олицетворение славянской идеи

После того, как мы определили место Коллара в истории исследований, рассмотрим еще одно главное его произведение – «Дочь Славы» – и связанные с ним религиозные коннотации. Как известно, это произведение во многом биографично. Личная жизнь

Коллара является иллюстрацией того, как он вырабатывал свою основную идею. Благодаря тому, что Коллар предпочел филологию ремеслу мясника, он смог познакомиться с двумя личностями, которые его вдохновили. Так, с помощью веймарского лютеранского суперинтенданта Иоганна Готфреда Гердера («священника человечности», которому он был благодарен за его оценку славянства)¹ и философа Якоба Фридриха Фриза Коллар сумел соединить сухой рационализм с религией сердца². А также он смог познакомиться со своим возлюбленным идеалом, который стал для него со временем даже идеалом славянства. Парадоксально, что Мина (полное имя Велемина Фредерика Шмит), немка по происхождению, так никогда и не выучила ни чешский, ни словацкий языки. Лишь у её семьи, возможно, были славянские корни в городке Лужице. Коллар женился на ней спустя 18 лет с момента знакомства. Эта «дочь Славы» в своей литературной версии все же сильно эволюционировала. Последняя версия «Дочери Славы» в сравнении с поэмами 1821 года очень изменена благодаря рефлексии, которая отодвинула на задний план эротические моменты в пользу мифических и славистических³.

Попытка исследовать славянскую религию

Коллар относился к эпохе ранней постгердеровской романтической науки, то есть науки, которая еще не была знакома с прагматическим позитивизмом специализированного эмпирического исследования⁴. У него также мы можем найти попытки преодоления партикуляризма и стремление к трансдисциплинарности. Идея гармонического целого сблизила науку и искусство, но она также предполагала наличие божественной инстанции⁵. Такая наука могла привести даже к определенной легкомысленности, которая могла ее дискредитировать.

Сочетание панславизма и научности мы находим и в работе того же периода – этнографическом исследовании с нотками языкознания, истории, археологии и изучения мифологии и национальной поэзии. В отличие от Шафаржика, Коллар размышляет и о том вре-

¹ *Lochman J.M.* Duchovní odkaz obrození. Praha: Kalich, 1964. С. 167–172.

² Там же. С. 165–167.

³ *Macura V.* Slávy dcera – Jan Kollár 1824, 1832 // *Slovník básnických knih. Díla české poezie od obrození do roku 1945* / М. Červenka aj. Praha: Československý spisovatel, 1990. С. 281.

⁴ *Bödecker H.E.* Entstehung der Soziologie // *Die Wende von der Aufklärung zur Romantik 1760–1820* / H. A. Glaser, G. M. Vajda (eds.) Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. С. 289.

⁵ *Köchy K.* Ganzheit und Wissenschaft: Das historische Fallbeispiel der romantischen Naturforschung. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1997. С. 399.

мени, которое не оставило после себя письменных источников¹. Что касается мифологии, то он с удовольствием констатирует тот факт, что ею перестали пренебрегать, и ссылается на Гердера, Гейне, Вагнера и других. Сам он кажется создателем мифов – в смысле «новой мифологии»² Фридриха Шлегеля, которая реабилитирует настоящую поэзию.

Название книги, о которой мы здесь говорим, указывает на важнейший концепт поэтического цикла Коллара: «Слава богине и происхождение названия “славув”, или “славянский”» (1839). Автор прибегает к компаративистике и для сравнения использует индийскую и другие религии; кроме того, он собирает огромное количество материала. В данном случае Коллар следует вызову времени, пытаясь упорядочить старославянскую религию³ и удовлетворить романтический интерес европейцев к Индии – колыбели индоевропейцев. Но основной целью работы Коллара является разбор происхождения названия славян, которое, как полагалось, происходит от имени мнимой богини древних славян Славы.

Сама книга появилась в результате острой предметной дискуссии. Главная часть сочинения Коллара стилизована как сборник писем Павлу Йозефу Шафаржику, который отреагировал на этимологические рассуждения Коллара в его «Размышлениях о названиях, началах и древностях славского народа и его племени» (1830) в своих «Славянских древностях» (1837) и потом сам попросил Коллара критически отнестись к своему филологическому труду.

В своем трактате Коллар, в отличие от Шафаржика, старается объяснить различие гласных «а» в слове «Слава» (*чешск.* Sláva) и «о» в слове «славянин» (*чешск.* Slovan)⁴, настаивая на том, что это альтернатива. Реконструируя эволюцию данной фонетической альтернативы, Коллар приводит свидетельства, доказывающие, что Слава, как богиня всего славянства, занимает важное место в истории мифологии. Должно быть абсолютно понятно, что славяне поклоняются Славе так же, как многие другие народы – своим национальным богам⁵. Одновременно он ссылается на общие корни ми-

¹ *Kollár J.* Sláva bohyně a původ jména Slavův čili Slavjanův v listech k velectěnému příteli panu P. J. Šafaříkovi od Jana Kollára. S přídavky srovnalost indického a slavského života, řeči a bájesloví ukazujícími. Pešť: J. M. Trattner-Károlyi, 1839. С. 6.

² *Schlegel F.* Rede über die Mythologie // Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe. Erste Abteilung: Kritische Neuauflage, 2. München, Paderborn, Wien: Schöningh, Zürich: Thomas, 1967. С. 311–312.

³ *Macura V.* Mytologie Slávy dcery. С. 38.

⁴ *Kollár J.* Sláva bohyně... С. 80–98.

⁵ Там же. С. 73.

фологических представлений всех индоевропейцев. Происхождение славян, а с ними и Славы, Коллар, как и Шафаржик, ищет в Индии¹.

Чередование гласных «а» и «о» Коллар обосновывает, показывая тождество корневых морфем «слав-» и «слов-». Предпочтение он отдает форме «слав-», потому что она чаще используется в личных именах. «Слав-» должна была быть исходной, простой корневой морфемой, обозначающей названия народа и края, и от нее впоследствии было произведено имя богини Славы. Таким образом, возникает целая система взаимосвязанных понятий: Слава – богиня, слав – поклонник Славы, слава – поклонница Славы, славы – поклонники Славы, Слав – место, деревня, край либо богини Славы, либо ее поклонников, либо народов, относящихся к славам².

О религиозно-этической ценности подобных рассуждений, естественно, не могло быть и речи. Так, уже Шафаржик встретил работу Коллара жесткой критикой. В письме к русскому историку Михаилу Погодину от 22 ноября 1839 г. он писал: «Книга Коллара “Слава богине” мне вообще не нравится: данная дилемма создала лишь сумбур. Все настоящее и новое в ней можно уместить на одном листе»³. Хотя, как шаг к серьезным исследованиям, трактат Коллара, безусловно, заслуживает внимания.

Пример метода Коллара

Читатель, который сегодня прикоснется к книге Коллара, будет очень удивлен большим количеством собранной информации о когда-то известной Славе. И было бы утомительно и даже невозможно проверить каждый факт, который Коллар привел с целью подтверждения своей гипотезы. Нам хватит одного интересного примера, к которому мы должны добавить небольшое пояснение. В Чехии (и в других странах средней Европы) издавна пекут любимый пирог, который называется бабовка. По мнению Коллара, название это происходит от названия формы, которую индусы называли *Bhāvanī* и в ней пекли пирог к празднику богини *Bhāvanī*⁴. *Bhāvanī* является при этом другим именем *Ragyna Devī*, которая попала в сферу уважения космической материнской силы. Этому отвечает и символика – источник, а также круговые миски, которые у Коллара ассоциировались с формами для бабовки. Морфема «баба» само по себе подтверждает данную теорию, потому что в языческие времена навер-

¹ Там же. С. 61.

² Там же. С. 134.

³ *Šafárik P. J. Z listov*. URL: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1485/Safarik_Z-listov/6. См. также: Korespondence Pavla Josefa Šafárika, I; *Vzájemně dopisy P. J. Šafárika s ruskými učenými, I–II*. Praha: Česká akademie věd a umění, 1927.

⁴ *Kollár J. Sláva bohyně...* С. 324–330.

няка оно имело какое-то отношение к плодородности, порождающей духовные создания.

Идея связи средней Европы с Кашмиром является в данном случае слишком смелой. В среднюю Европу бабовки, скорее всего, завезли римляне¹. Но и предположительный путь бабовки из Кашмира в Рим не доказан. А кроме того, конечно, можно усмотреть в бабовке такой же вагинальный символ, как и в индийской миске, который ассоциируется с богиней-матерью Терра Матер (как это и сделал Коллар), но и у этой универсальной символики нельзя автоматически искать историческую последовательность определенных явлений.

Ангажированный в изучении религии

Коллар, интересовавшийся славянством, поэзией и наукой, не хотел скрывать свои намерения, но и не хотел вести себя нечестно с точки зрения науки. В его время уже давно созрело требование иметь беспристрастную науку, но также преобладало простое, доходящее до наивности доверие к фактам. И все же, в творчестве Коллара можно найти определенный переломный момент: поэт Коллар, как оратор Гердера, выступает олицетворением средневропейской позиции в универсальной перспективе духа своего времени, и этим он располагает к себе читателей. Но как ученый, он остается один, друзья уходят от него, и в большинстве случаев он терпит неудачу².

В ретроспективе мы видим противоречие между наивным исследованием и серьезным национально-культурным интересом. Мы понимаем, что этого противоречия Коллар не замечал, так что отмеченное выше доверие к фактам не мешало ему с интересом изучать религию. Он считал Славу известной в давние времена. Он не гнушался языческих богов, как и христиане эпохи Возрождения. Ее черты он прорисовывал постепенно и не прямо – как лицо богини, национальной богини, с которой ассоциируется не только огонь, но и солнце, и которая является небесной богиней, дарящей счастье и бессмертие.

Как мы уже отмечали, Слава олицетворяла древнее происхождение славян и их древнюю силу. Нигде Коллар не говорит о том, что хотел бы возродить ее культ, но пытается с ее помощью дать имя духу славянства. В этом проявляется странный симбиоз мифологии, поэзии и науки.

¹ Krauß I. Chronik bildschöner Backwerke. Stuttgart: Matthaes, 1999. С. 86.

² Černý V. Vývoj a zločiny panslavismu. С. 19–21.

В контексте чешского и словацкого национального возрождения мы находим национальный интерес, вызвавший потребность в этнографии, которая должна была популяризовать не только национальные, но и всеславянские ценности. Сохранение и обогащение коллективной памяти народа было потребностью того времени.

Заключение

Когда, в отличие от Коллара, один из известнейших чешских историков Франтишек Палацкий отказался от панславизма, он не отказался от славянской взаимности, и в этом вопросе он сходится с Колларом (когда Палацкий приехал в 1867 г. на народоведческую выставку в Москву, он не принимал идею панславизма, но верил в славянскую взаимность и в возможность демократии и гуманизма вследствие отмены крепостного права. В XIX веке казалось, что у славянства есть будущее. Этот идеал поддержала Дочь Славы, но соединить науку с идеалом не получилось.

О Колларе как об исследователе современные чешские ученые – слависты и религиоведы – практически никогда не упоминают. Но несмотря на это, стоит задуматься над двумя важными выводами, которые можно извлечь из чтения работ Коллара. Во-первых, при анализе в гуманитарных науках нужно сохранять чувство целостности. Нельзя, к примеру, изучать чешское язычество, не изучая религии других славян. Во-вторых, хотя теория Коллара представляет собой наивную фазу изучения чешской дохристианской религии, она предостерегает нас от наивности стремления к беспристрастию в науке и учит современных исследователей использовать интуицию и фантазию, без которых наука в лучшем случае осталась бы мертвым знанием.